

ОТЗЫВ
официального оппонента
на рукопись диссертацию РЯБОВОЙ Светланы Александровны
«Увеселительные сады в социокультурном пространстве городов России
в конце XIX – начале XX века» (Москва, 2016. 304 л.),
представленной на соискание ученой степени кандидата исторических наук
по специальности 07.00.02 – Отечественная история

Диссертационное исследование С.А.Рябовой посвящено важному и все еще мало исследованному аспекту истории российского городского досуга – характеристике пространства досуговой коммуникации различных слоев жителей города, а именно – публичных пространств летних увеселительных садов. Досуговое пространство – физическое, перцептуальное, культурное, - является важнейшей позицией для рассмотрения и анализа досуговой культуры, ее специфики, ее восприятия современниками. Но также его изучение способствует приращению знания о социально-экономических реалиях изучаемого времени, нравах и нормах той эпохи, взаимоотношениях внутри городского общества и между отдельными его группами. И поэтому изучение такой интересной и динамичной части досугового пространства, как увеселительные сады, безусловно, является актуальной научной проблемой.

Исследование С.А.Рябовой базируется на широком круге разнообразных, разнородных источников – это законодательные и нормативно-правовые, делопроизводственные документы, данные статистики, эго-документы, периодика, беллетристика и публицистика, рекламные и справочные издания, помимо письменных источников, использованы и визуальные источники. Значительная часть источников исследования вводится автором в научный оборот впервые. Неопубликованные источники извлечены из шести архивных и музейных хранилищ в Москве и Петербурге – это более 260 единиц хранения из 34 архивных фондов, не считая коллекций афиш, программ и пр. Кроме того, в работе привлекались более 100 наименований опубликованных источников. Автор демонстрирует хорошее знакомство с отечественной и англоязычной научной литературой по теме исследования и «смежным темам», но также с теоретико-методологической литературой, касающейся проблем социокультурного исследования. Безусловным плюсом работы является четко сформулированный автором понятийный аппарат.

Целью своей работы С.А.Рябова поставила «комплексное изучение увеселительных садов в России в конце XIX – начале XX в., выявление их функций, места в городской культуре и того, как социальные изменения отразились на формах досуга, предлагаемых в увеселительных садах» (С. 6). Цель автор реализует, решая девять обозначенных ею задач

в трех главах и 13 параграфах своего исследования. Структура работы логически выстраивается в пространстве двух оппозиций: временной (XVIII – конец XIX вв. и XIX – начало XX вв.) и пространственной (столицы – провинция). Первую главу автор посвящает рассмотрению специфики явления «увеселительный сад (воксал)», его отличия от городских парков, его происхождения, процессам появления увеселительных садов в России и их развития до 1882 г. С.А.Рябова анализирует столичные сады, динамику их роста, распределение в городском пространстве. Дается и опыт типологизации садов, коммерческих и некоммерческих – по их назначению, местоположению, «целевой аудитории», ценовой доступности, размерам, устроителям, и пр. Рассматривая внутренне устройство садов, Рябова совершенно справедливо указывает на взаимное воздействие процессов развития городских коммуникаций и инфраструктуры, транспорта - и развития увеселительных садов. В этой связи интересно было бы посмотреть, насколько развитие садов было связано и с гигиенистским движением, с идеей здорового пространства в городе и за его пределами (так, подобную связь проследила - на примере формирования дачного пространства - О.Малинова-Тзияфета в книге «Из города на дачу»). Вторая глава посвящена увеселительным садам в провинциальных городах – их географии, типологии, внутреннему устройству, специфике садовой антрепризы и взаимоотношений «власти» и «общества» по поводу организации садового досуга. С.А.Рябова подчеркивает наиболее характерную локализацию увеселительных садов в провинции: Европейская часть страны, большие города, центр города. Автор рисует сочную, интересную, яркую картину «садовой» жизни провинциальной России, несколько увлекаясь, правда, ее театральной стороной, уделяя меньше внимания такой важной части садового «веселия», как рестораны. Наконец, третья глава работы представляет основные категории «актеров», действовавших в пространстве увеселительных садов, как пространстве весьма интенсивной – и далеко не только досуговой – коммуникации. Антрепренеры, служащие сада, артистический контингент, представители властных органов, наконец, публика – люди, наполнявшие пространство садов жизнью, переносившие в него свои запросы, представления, вкусы, амбиции, деловую активность, - эти сюжеты описываются в главе очень живо и интересно. В то же время рассмотрение этих групп косвенно весьма интересно и для изучения истории города второй половины XIX – начала XX вв., например, шедших процессов миграции и встраивания «новых горожан» в рынок труда и занятости. Так, анализируя состав антрепренеров, Рябова показывает, что большинство составляли выходцы из крестьян и мещан (С. 139-140) – ту же картину мы увидим и в других сферах городского предпринимательства и торговли. С.А.Рябова выдвигает тезис о формировании идентичности садовых антрепренеров и их осознании себя в качестве отдельной группы.

Полагаю, что скорее речь может идти о сложности и неоднозначности процессов самоидентификации – ведь автор показывает их колебания между отождествлением своей деятельности как сценической либо рестораторской (С. 171-173). В главе и параграфах появляются и интересные городские группы, не изучаемые автором специально, но так или иначе появляющиеся в фокусе ее внимания в связи с садовой жизнью. Например, заслуживает внимания сюжет о детях и подростках, работавших в садовом «бизнесе», а также о реакции общества, учителей на это явление. Или, поднимается сюжет о т.н. «женских хорах» и связанных с ними проблемами не только садового, но и – шире – городского досугового пространства. Не секрет, что нередко эти хоры и профессия «хористки» или «арфистки» являли собой скрытую форму проституции, ввиду чего их периодически пытались запрещать и в увеселительных садах, и в ресторанах, и на ярмарках (Нижегородской – в 1892 г.), однако они вновь возрождались под разными наименованиями – например, «семейных хоров». Наконец, интересен анализ публики увеселительных садов и ее качественного изменения в рассматриваемый хронологический период, предлагаемый в последнем параграфе работы. Характерно, что те же процессы демократизации публики, приобщения представителей низших городских слоев к нехарактерным для них прежде – и нередко затратным – формам досуга и формирование новых досуговых предпочтений прослеживались ранее и при анализе читательской аудитории этого периода. Рябова касается и важной темы – попытки контроля над «народным досугом», связанным в России, в основном, с деятельностью попечительств и обществ трезвости.

В Приложениях к работе даются составленные автором список столичных увеселительных садов изучаемого периода и список провинциальных увеселительных садов в 125 провинциальных городах России, а также приводится текст контракта антрепренера с артисткой.

Разумеется, по этой, в целом, очень профессиональной и интересной работе С.А.Рябовой могут быть высказаны и замечания. Так, во введении к диссертации не предложены основные положения, выносимые на защиту, которые есть в автореферате. Это сделало бы концептуальную составляющую работы более зримой и четкой.

В историографической части диссертации при рассмотрении зарубежных исследований и «западной» литературы автор почему-то сосредотачивается исключительно на англоязычной литературе и соответствующей традиции исследования, и причем, преимущественно британских, американских, лишь отчасти – европейских садов (С. 14, 17-18). Между тем, направление «Garden History» – важнейшее, но не единственное. Существует, например, немецкая традиция изучения садов и соответствующая литература не только о немецких, но и о российских садах. Скажем, журнал «Gartenkunst», первый

номер которого за 2013 г. вышел в виде книги, полностью посвященной садово-парковой культуре России с XVIII в. до советской эпохи включительно. Или специально посвященная российским садам «долгого» XVIII в. книга Анны Ананьевой «Russisch Grün. Eine Kulturpoetik des Gartens im Russland des langes 18.Jahrhunderts» (Билефельд, 2010). Лакуны есть и в характеристике российской историографии, непосредственно посвященной теме работы. Так, интересные и важные работы Н.А.Хренова упомянуты в списке литературы, но не нашли отражения в обзоре. Видимо, автор не знакома с моей книгой, одна из глав которой посвящена досуговому пространству провинциального города изучаемого ею периода («Праздничный день, досужий вечер. Культура досуга российского провинциального города второй половины XIX – начала XX века». Москва, 2011).

Один из самых сложных, но важных моментов данного исследования связан с определением самого феномена российского «увеселительного сада», его происхождения и функций. И вот здесь есть простор для дискуссии. Автор определяет увеселительный сад или воксал как «летнее развлекательное заведение с входной платой, на территории которого находились театр или любая другая сценическая площадка, ресторан или буфет, садово-парковая «зеленая» зона и всевозможные аттракционы» (С. 20). Между тем, возможно, что ряд упомянутых в работе садов, причисленных к увеселительным, таковым признакам не отвечали. Сужу по перечисленным в приложении казанским садам: из 13 садов к увеселительным могут быть отнесены только «загородные гулянья» - «Русская Швейцария» и «Аркадия», отчасти – частные сады «Эрмитаж» и Панаевский. Остальные по большей части являлись садами-парками, скверами, выполнявшими главную функцию – прогулочную. Они, чаще всего, имели платный вход, работали целый день и летом, и зимой (в Черноозерском саду зимой организовывались катания на коньках, работал ресторан). При создании Николаевского сада с его территории даже перенесли развлекательное заведение – цирк Никитина. О том, что прогулочная функция была основной для этих парков, свидетельствует и серьезное возмущение садовых пешеходов в печати в 1892 г., связанное с появлением в пространстве садов велосипедистов. Их в результате выдавили из пространства садов. Исходя из этого, полагаю, что число увеселительных садов на российских пространствах и их распространенность (в 1882-1917 – в 65 % больших и средних и в 15 % - малых городов (С. 99) или в 90 % больших и средних городов с населением свыше 50 тыс. чел. (С. 101)) в работе несколько преувеличены. Второй спорный момент связан с происхождением увеселительных садов. Автор склонна приписывать увеселительным садам только «иностранное» происхождение, указывая на их связь с английскими увеселительными садами и американскими парками развлечений (С. 42 и др.). Между тем, говоря о происхождении этих садов (сезонных – работавших летом) и наборе

развлечений, я бы не стала игнорировать собственно российскую городскую традицию «народных гуляний», также сезонных (в праздничные дни и недели), где точно так же присутствовал классический набор «хлеба и зрелищ», только не в виде ресторана и театра, а в виде «обжорного ряда» и балагана. Здесь мы наблюдаем не только описанный Н.Хреновым вслед за Ю.Лотманом процесс трансляции «высокой» культуры «вниз», или, в варианте Л.МакРейнолдс, – движение «от элитизма к коммерции», но и процесс взаимодействия «высокой» и «низкой» городской культуры. Во всяком случае, для рецепции широкими городскими слоями «иностранных» воксалов факт наличия привычной автохтонной традиции был весьма важен.

Говоря о содержании глав, хочу заметить, что источники по истории садов в столицах и в провинции использовались неравномерно. Основная масса источникового разнообразия характеризовала именно столичные сады. В отношении провинции автор ограничилась в основном печатью, а также отчасти – публицистикой, мемуарами. Причем, местная печать использована весьма выборочно и спорадически, отдельные номера за отдельные годы, в основном ссылки идут на петербургскую «Театр и искусство». Хотя, например, во многих городах при городских думах работали специальные комиссии – садовая, театральная, по разумным развлечениям, и деятельность их нашла отражение в архивных документах. Конечно, письма городских управ в Театральное агентство Рассохиной весьма интересны, но еще интересней провинциальная «кухня» обсуждений проблем увеселительных садов. Провинциальный садовый опыт как бы априорно рассматривается как приложение столичного («В целом в провинции с небольшой задержкой проходили те же процессы, что и в столицах (...)», - С. 105). Хотя автор указывает, что запрещенные в 1854 г. в столицах частные театры и представления могли бытовать в провинции (С. 46), а отмена монополии в 1882 г., которая в работе берется в качестве нижней хронологической границы, «не особо сказалась на провинции» (С. 98), то есть, «хронологические рамки» и алгоритм существования провинциальных садов вполне могли отличаться от столичных.

Не свободна работа и от некоторых технических ошибок. Так, таблицы, приводимые в тексте работы, оформлены не в соответствии с правилами – отсутствуют заголовки, таблицы не нумерованы, не приводятся источники составления и пр. На с. 86 описка: вместо «5 тыс.» огней - «5 000 тыс.». Упомянутый в документе приложения сад в Казани называется «Лецкой», а не «Левицкий» (С. 293). В тексте нередко без кавычек

употребляются некорректные и просторечные термины (вероятно, заимствованные из источников): «алкогольные и безалкогольные сады» (С. 57), «негр американского происхождения» (С. 139), «мухлевавший» (С. 200), «сперва», «разухабистый» (С. 228), и пр.

Однако указанные замечания отнюдь не снижают научной значимости диссертации. Через описание увеселительных садов автор охарактеризовала специфику городской досуговой культуры конца XIX – начала XX вв. и ее изменения под влиянием происходивших модернизационных процессов. Диссертационное исследование С.А.Рябовой представляет собой оригинальное, основанное на широкой источниковой базе, самостоятельное и законченное исследование на актуальную научную тему, а выводы работы обоснованы, интересны и заслуживают внимания специалистов. Положения диссертации полностью отражены как в автореферате, так и в пяти публикациях автора, в том числе в трех статьях в изданиях, рекомендованных ВАК. Диссертация С.А.Рябовой соответствует требованиям, предъявляемым к квалификационным работам действующим «Положением о присуждении ученых степеней» (пункты 9, 10, 11, 12, 13, 14), а ее автор заслуживает присуждения ей искомой ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история.

Официальный оппонент,
доктор исторических наук,
профессор кафедры отечественной истории
Казанского (Приволжского) федерального университета

С.Ю.Малышева

Юридический адрес:
420008, Россия, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Кремлевская, д.18,
ФГАОУ ВО "Казанский (Приволжский) федеральный университет",
(843) 233-71-09, 221-34-39,
e-mail: public.mail@kpfu.ru

